

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
УНИВЕРСИТЕТ Г. БАРИ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РИМЕ

Четвертые Римские Кирилло- Мефодиевские чтения

Тезисы

РИМ—БАРИ
17—22 ФЕВРАЛЯ 2014

Научный руководитель семинара
Н. Запольская

В. М. Живов в статье «История русского права как лингвосемиотическая проблема» (1982/2002) обращает внимание на юго-западнорусское влияние на русскую юридическую терминологию. В докладе приводятся дополнительные свидетельства этого влияния. Анализируются термины западнорусского происхождения, которые на протяжении XV–XVI вв. существовали на периферии русской лексики как экзотизмы, относящиеся исключительно к чужим, западным реалиям: по их *праву* немецкому, *присяга* (их) — *крестное целование* (наше), *предки* (Батория) — *прародители* (Ивана IV) и др. В большинстве случаев из подобных пар в русский литературный язык вошли именно западнорусские по своему происхождению варианты. В ряде случаев западнорусский по своему происхождению термин славянизируется на великорусской почве, образуя здесь характерный пласт неославянизмов западнославянского происхождения.

С. Менгель (Германия, Галле)

«Универсальная матрица латинского для описания языков в западноевропейской грамματοлогической традиции XVI–XVIII веков: языковые проблемы и терминологические дискуссии»

Как известно, при зарождении западноевропейской научной мысли и её последующем развитии в течение XVI–XVIII веков латинский служил не только языком науки, но и считался «прародителем» всех существующих языков. В дискурсе возникающего интереса к собственным национальным языкам и вновь открываемым «экзотическим» при создании первых грамматик отдельных языков их описание было призвано осуществляться по образцу латинской грамматики, а грамматические категории латинского языка апплицировались в языковую систему языка описываемого.

В российском культурном пространстве первыми грамматиками западноевропейской грамματοлогической традиции стали грамматики церковнославянского языка Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого (1619). Дифференции в ряде грамматических категорий между латинским и церковнославянским — в частности, в категории падежа, которой посвящается предлагаемый доклад, — проявляются уже в этих двух первых грамматических произведениях: 6-частной эквиполентной оппозиции категории падежа в латинском языке противостоит 7-частная эквиполентная оппозиция категории падежа в церковнославянском. Оба грамматиста решают эту проблему по-разному.

В последующих грамматиках западноевропейских авторов конца XVII — начала XVIII веков, предпринимающих попытки описания (кодификации) современного «русского» языка, выше названная проблема выливается еще и в терминологическую — дефиницию так называемого «второго аблатива» (ср.: Ludolf [1696], Glück [1705], Kopijewitz [1706], Sohler [1724] и др.). Особый интерес представляет дискуссия Пауса (Paus 1705–1729; 1732), которую он ведет в рамках Российской Академии наук, как кажется, против Василия